живописны и выразительны. Мастерски подчеркнуты особенности сложного облика Сергия: своеобразный очерк лба, неширокий оклад лица с несколько выдающимися скулами, сближенность глаз и их неодинаковый разрез, разность рисунка бровей, асимметричность носа, бороды и всех черт лица и головы с массой волос. Зоркий глаз художника видит различную густоту бороды, замечая редкие волоски на щеках, где она начинается. Во всем облике большая сдержанность и собранность для целеустремленного действия и в то же время большая широта души, что-то мужественное, но не строгое. Стройная и полная движения фигура Сергия облечена в скромные одежды, в изображении которых вышивальщице даже удалось передать цвет и фактуру домотканной шерстяной ткани и незатейливость шитья холстяной епитрахили. Чувствуется по всему, что художника всецело вдохновляла живая личность Сергия, и он как бы давал характеристику его как исторической личности. Когда смотришь на это произведение, то меньше всего приходят на ум условные признаки «святого», даваемые в житиях, а вспоминается Сергий, исполняющий дипломатические миссии, которые были не под силу никому другому в бурных неурядицах междоусобных разногласий. Вспоминается, как он «затворил» церкви в Нижнем Новгороде, когда склонял в 1365 году Бориса Константиновича к миру с его старшим братом, имевшим права старшинства на княжение в Нижнем Новгороде, и этой, небывало крутой для того времени мерой добился, совместно с великим князем, примирения братьев; затем — его посещение и склонение к миру такого злейшего врага Москвы, как Олег Рязанский. Вспоминаются не «благоуветливые словеса», о которых говорит житие, а нечто другое: сила воли, знание жизни и людей, неумолимость доводов практического ума.

Перед нами живой деятельный человек, который «мало же словесы глаголавша, вящая же делы учаша»,[1] т. е. учил больше делом, а не словом, тот Сергий, который «ни мала ослушася, ни помедли, но с многым тщанием» шел и выбирал места для новых монастырей и клал их основание «своима рукама».[2]

Художника, создавшего этот образ Сергия, весьма вероятно, Рублев знал, быть может, с ним сотрудничал. Он привыкал ценить и восхищаться людьми, которые не только умели умирать на поле брани, но и отдавать всю свою жизнь служению тому, в чем видели спасение русского народа.

В Архангельском соборе в московском Кремле, там, где покоится прах Дмитрия Донского, в местном ряду иконостаса стоит икона архангела Михаила с житием. Она относится к началу XV века. Некоторыми чертами стиля она примыкает уже к творчеству Рублева. Есть предположение, что она могла быть выполнена по заказу Евдокии — супруги Дмитрия Донского. В ее житии говорится о том, что она незадолго до смерти, последовавшей в 1407 году, видела сон, в котором ей явился архангел Михаил, и пожелала иметь его изображение. Несколько икон ею было отвергнуто, и, наконец, одна ее удовлетворила. Эта икона была поставлена Евдокией в церкви Рождества богоматери в память победы на Куликовом поле.

Гибкая, мужественно-суровая фигура архангела Михаила, облеченная в воинские доспехи, полна напряжения и готовности к стремительному действию. В левой руке он держит ножны, из которых правой рукой вы-

---

[1] Никоновская летопись под 1386 годом, стр. 20.

[2] ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1374 годом, стр. 189.